

ВИКТОР ПРОНИН: „КТО-ТО ВЫНУЖДЕН ИДТИ В КИЛЛЕРЫ, ЧТОБЫ САМОМУ ОСТАТЬСЯ ЖИВЫМ“

ВИКТОР ПРОНИН занимает достаточно прочное место в нынешней остросюжетной литературе. Его роман с продолжением «Банда» удостоился внимания не только серьезных критиков, но и тех, кому платят деньги за наш покой дома и на улицах: автор выдвинул, казалось бы, крамольную идею — с нынешней преступностью следует бороться на ее территории ее же правилами — на беспредел отвечать беспределом. К тому же писатель смело подставился, сообщив, что его произведения являются «чистой романной литературой». Писателю исполнилось 60 лет. «Книжное обозрение» поздравляет его с этим юбилеем, ждет от него новых книг и, воспользовавшись случаем, подослало к нему своих корреспондентов.

— Ваше имя настолько связано в читательском сознании с «Бандами», что подмывает спросить: какая «Банда» у вас в чернильнице?

— Огорчаю: в ближайшее время в издательстве «Вече» выходит мой трехтомник. Он, слава Богу, не имеет никакого отношения к «Бандам», которые мне достаточно уже приелись. В трехтомник вошли вещи совершенно свежие и криминальные: «Женщина по средам» — с дополнениями, новый роман «Смертник» и «Дурные приметы».

— В прессе проскользнуло сообщение о том, что Станислав Говорухин экранизирует ваш роман.

— Сейчас по роману «Женщина по средам» Станислав Сергеевич закончил съемку фильма. Он снял его во время своих депутатских каникул. В этом году должна быть премьера. В фильме из известных актеров сыграли Михаил Ульянов, Александр Пороховщиков... В роли главной героини — Анна Синякина из Гнесинского училища.

— Вы уже видели фильм?

— Я видел неозвученный и несомпонованный материал. Побывал на съемках нескольких сцен, попутался у киношников под ногами и уехал...

— Насколько помнится, в предыдущем интервью «КО» вы говорили, что «Женщина по средам» существует в жанре серьезной литературы.

— Я хотел бы так думать. Хотя в прессе о съемках фильма прошло газетное ерничество: «Вендетта по-русски». Герой Михаила Ульянова действует, как в древней притче о Гильгамеше, где сказано: продай дом — купи корабль. В романе и фильме иначе: продай дачу — купи винтовку! Что он и делает — продает дачу, покупает хорошую винтовку с оптическим прицелом и начинает «большую охоту» (именно под этим названием вышла моя книжка в «ЭКСМО»). Объектами охоты и отстрела становятся ребята, которые изнасиловали его внучку. Врезал им по первое число: одному отстрелил ногу, второму — яйца, третий тронулся умом.

— Очень «добрый» фильм и очень «добрая» книжка!

— А главное — живая и непосредственная. Говорухин далеко от содержания не ушел, разве что внес некоторые поправки: мой старик продал дачу своему давнему знакомому, а в фильме Ульянов продает дачу банкиру. Ну, тут, наверное, понадобилось внести «банкирскую» струю, ввести новых русских и т.д. В остальном — диалоги, типы, связь событий — все осталось, как в книге.

— Вернемся к трехтомнику...

— В него вошел, как я сказал выше, совершенно новый роман «Смертник»: в издательстве решили напомнить читателям о том, что я — автор «Банды», и

продолжили название: «Смертник, или Один против банды». Не буду пересказывать содержание, замечу только, что эти три вещи — «Женщина по средам», «Дурные приметы» и «Смертник» — составляют своеобразную трилогию, к тому же они примерно одного объема, выполнены в одном жанре.

— И что это за жанр?

— Криминальный роман. «Дурные приметы» рассказывают о человеке, который, сам того не заметив, постепенно превращается в очень неплохого киллера: невинные задания, невинные шуточки, стечение обстоятельств...

— Вы с какой-то мягкостью и теплотой произносите слово «киллер».

— В конце романа у моего героя начинаются неприятности, так вот, мне позвонил в Коктебель издатель: «Что ты сделал? Мы его полюбили! Убирай последние три страницы, где он гибнет!.. Нельзя этого допустить!» Такой вот симпатичный киллер получился — очаровательный, беспомощный...

— Как и все киллеры.

— Как и все киллеры.

— Убьет и плачет?

— Не сразу, но потом — очень переживает. Такой вот парнишечка у меня в романе появилась. Эти три криминальных романа и есть нечто новое в моей работе.

— А с «Бандой» покончено?

— Может быть, удастся сделать шестую — по настоятельным просьбам народных масс. Издатели готовы немедленно включиться в работу.

— Известно, что художнику очень трудно изобразить от определенного имиджа, продиктованного какой-то ролью. Пример — Юрий Никулин, вызывавший определенную реакцию у зрителей в фильмах, где сыграл серьезные роли, — «Страсти по Андрею», «Солдатами не рождаются»...

— Новые мои три романа — это попытка освободиться от «Банды». Мне бы не хотелось быть автором одного романа или одной серии романов. Я стал членом Союза писателей еще при советской власти, когда ни одной «Банды» не было написано. Кстати, вещи, которые были написаны в те времена, сейчас охотно издают. Я не меняю в них ни одной строчки — и сегодняшних читателей многие тогдашние реалии просто забавляют. Например, сцена с очередью за водкой, за которую люди платят... три рубля, сейчас вызывает веселое оживление.

— Представителем какого жанра вы сами себя считаете?

— Я пишу криминальные романы. Хотя сейчас и принят единый термин — детектив. Но если говорить строго, в жанре детектива у нас в России сейчас никто не работает.

— А книги Марининой?

— Это не детективы. Это милициские романы. Есть еще прокурорские, судебные, зеков-

ские, еще какие-то романы. Вышел милиционер на пенсию — начал писать романы о своей жизни. Вышел зек на свободу — сел за роман. Причем, как правило, получают многотомники. В них тот же прокурор или судья, или следователь описывают свою криминальную жизнь или, скажем, свои соприкосновения с криминальной жизнью.

А настоящий, классический детектив — это Эдгар По, Агата Кристи (не вся, конечно), даже Сименон не весь. Детектив — это загадка, узкий круг действующих лиц, узкое пространство: яхта, замок, какая-то арктическая станция... Наутро — труп. Ясно, что убил кто-то из своих. Идет перетряска одежек каждого. Наконец, на последних страницах один умный человек говорит: он! Вот что такое детектив — загадка, которая распутывается в конце, тайна, которая раскрывается на последней странице. А когда с самого начала ясно, кто убил, за что и почему, и весь вопрос только в том, что будет происходить дальше, это не детектив, это — криминальный роман.

— Кто еще работает в жанре криминального романа?

— Могу назвать хорошего писателя Сергея Высоцкого. Обратился к криминальному роману прекрасный писатель Владимир Мирнев. У Леонида Словина в последнее время выходят отличные романы, немножко странные, необычные. Насыщенность текста у Словина необыкновенная. Вместо того чтобы писать роман, по материалу требующий тысячи страниц, он втискивает его в 200 страниц. Этого не скажешь о Марининой — ее текст насыщенным не назовешь. Не хочу никого корить, только констатирую: у нее текст не плотный.

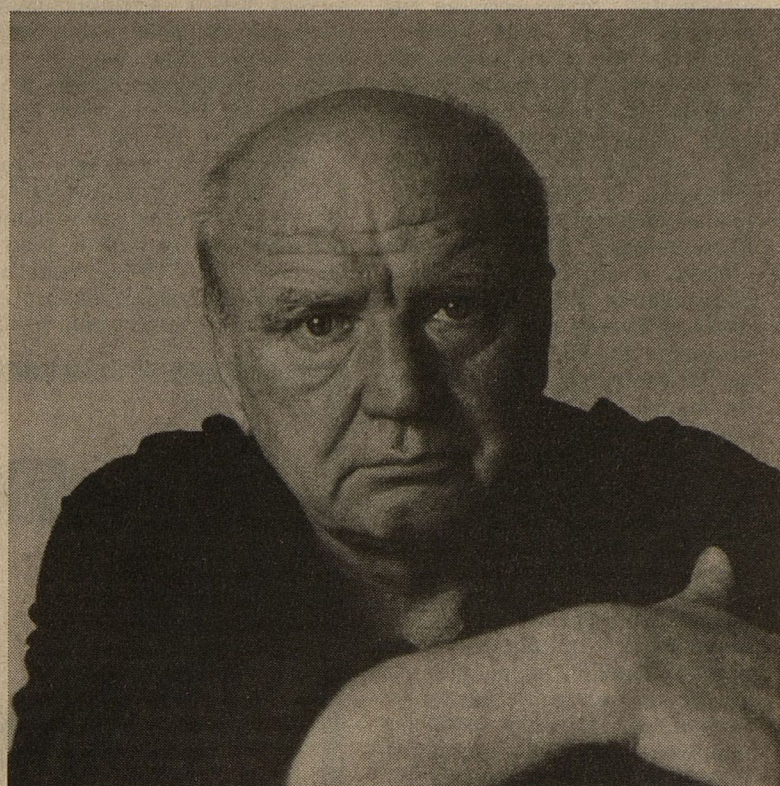
— Мы не кормим женщину. Мы говорим о профессиональных литературных жанрах. К тому же г-же Марининой не при выкатать к упрекам — на нее столько высыпали и лавровых венков, и хулы...

— Она, я думаю, может пренебречь и тем, и другим. Когда на прилавке лежат 20 ее книг, то так ли уж важно, что где-то о ней что-то скажут. Как литературный факт она состоялась.

— Есть ли у вас претензии к остросюжетным книгам, которые сейчас выходят?

— Надо сразу определить — есть авторы книг, а есть писатели. Это разные вещи. Если человек выходит на пенсию и берется за перо (о чем я говорил выше), то это автор. Его правят, его готовят, ему выстраивают сюжет, героев, текст и орфографию. Книга выходит, пользуется успехом — и дай Бог! Значит, в ней заложен жизненный материал.

Писатель же пользуется криминальным сюжетом для того, чтобы рассказать то, что его волнует в жизни, — общественной, социальной, нравственной, семейной и так далее. Писатель

может позволить себе отвлечься от сюжета и уйти в собственное детство, помечтать о будущем. Когда же человек просто излагает судебные протоколы, ничего в них не меняя, и докладывает: убили тетю Маню или дядю Петю — вот как это страшно произошло, было столько-то крови, в кустах обнаружили... — это автор.

У меня часто спрашивают: это вы придумали или так было на самом деле? Если сказать, что придумал, люди чувствуют себя обманутыми, обиженными, разочарованными. Если сказать, что все так было на самом деле, другая часть публики рассуждает: если все так и было, о чем речь: мужик собрал материал, взял том уголовного дела, переписал... Могу сказать совершенно точно: того, что я пишу, не было — в описываемом мною виде. Достоевский писал фантазии на психологические темы, Бредбери пишет фантазии о космосе, мы пишем, фантазируем на криминальные темы.

Когда сажусь писать, передо мной нет ни одной бумажки, записи, блокнота, уголовного дела, статистических выкладок — чистый лист бумаги. И ничего больше. Разве что могу набросать план на каком-нибудь листочке. Но при этом я активно читаю прессу, документальные книги (не детективы!), всевозможные сборники о преступных группировках. Благодаря этому ориентируюсь в том, что происходит в стране. Само по себе уголовное дело не годится для романа — оно уныло и бесполезно. С литературной точки зрения. Должна быть какая-то цель, осмысленная цель. Писать о дураках, об алкоголиках, о мафиях неинтересно. Хотя, говорят, о Чикаго уже вышло несколько романов. Мне это совершенно неинтересно: большой человек, чего о нем писать?

— Какие у вас планы на будущее?

— Сейчас я делаю роман в жанре тех, что вошли в трехтомник. Потом, может быть, удастся сделать еще одну «Банду». Что в ней происходит, чем заканчивается, кто как себя ведет, — все

есть. Надо сесть и уделить этому делу несколько месяцев. И еще хочется написать большой, реалистический, но с криминальным уклоном роман — более психологический, нежели те, которые я делал в последние пять лет. Сюжет, в общем-то, брезжит. Хочется поговорить о том, что хорошо знаю, о людях, которых я знаю, поиграть на их характерах, слабостях, достоинствах, судьбах — без желания кого-либо заклеить или восславить. Когда человек — даже самый, казалось бы, неприятный, никчемный — раскрывается, он уже потрясающе интересен. Хотя бы взять любого бомжа! У меня, кстати, есть история — женщина, сперва секретарь райкома комсомола, потом райкома партии — сейчас бомжует! И не хочет это дело бросать!

— В новом романе не будет ни одного трупа?

— Может быть, труп и будет. А, может быть, это будет живой труп. Роман-то криминальный.

— Значит, можно надеяться, что появится очень милый, внушающий доверие киллер?

— Может быть. Причем настолько внушающий симпатию, что возникает желание довериться этому человеку... Я прекрасно представляю, насколько это жестокие и безжалостные отморозки. Я не заблуждаюсь на их счет и не пытаюсь воспеть эту профессию (а она стала уже профессией). Ничуть! Но в некоторых книгах, говорят, и дьявол выглядит достаточно симпатично. Не все люди одинаковы. Кто-то вынужден идти в киллеры, чтобы самому остаться живым. Поэтому, когда я говорю: «Милый, вызывающий доверие киллер», нужно понимать условность характеристики.

— Современный мыслитель сказал: дьявол начинается там, где ангел с пеной у рта начинает доказывать свою правоту. В вашем случае — правота доказывается не словом, а делом.

— Где-то так...

Беседовали
Александр ШУПЛОВ
и Евгений ЛЕСИН.